12+

Дмитрий Иванов

Космические гонки. Роковой метр

Дмитрий Иванов

Космические гонки. Роковой метр

«Издательские решения»

Иванов Д.

Космические гонки. Роковой метр / Д. Иванов — «Издательские решения»,

Действующий чемпион никогда не испытывал страха… Пока не увидел как гоняет Драйн Вейл. Его неповторимый стиль, жажда победы, неустрашимость и непоколебимая уверенность — одновременно вызывает уважение и ненависть. Чем закончится это противостояние? Ответ уже ждёт вас.

© Иванов Д.
© Издательские решения

Содержание

Космические гонки 6
Роковой метр 6
роман 7
Содержание 8
Глава 1 9
Тяжёлые мысли 9
Глава 2 11
Он видел его 11
Глава 3 13
План 13
Глава 4 15
Дорн 15
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Космические гонки. Роковой метр

Дмитрий Иванов

© Дмитрий Иванов, 2026

ISBN 978-5-0071-5680-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Космические гонки

Роковой метр

роман

✦ ✦ ✦

Часть серии «Космические гонки»

Содержание

Глава 1. Тяжёлые мысли
Глава 2. Он видел его
Глава 3. План
Глава 4. Дорн
Глава 5. Арга
Глава 6. Тревожные знаки
Глава 7. Квалификация
Глава 8. Ночь перед финалом
Глава 9. Финал
Глава 10. Четыре минуты
Глава 11. Суд
Глава 12. Почести
Глава 13. Перемены
Глава 14. Обсид
Глава 15. Эпилог

Глава 1

Тяжёлые мысли

Гаррет Холл не спал.

Он лежал в резиденции «Феникс-Конкорд» — лучший гоночный синдром эпохи, сорок этажей над столицей Арги, с панорамным окном, за которым кольца планеты светились садами, — и не спал двадцать вторые сутки подряд. Не от тревоги. От работы: он был пилотом, который готовился к девятому в жизни Гран-При, и его подготовка начиналась за сорок дней до старта и кончалась за сорок секунд после финиша. Это была не дисциплина — это была религия, в которой он был и жрецом, и алтарём, и богослужением, и он не пропускал ни одной службы.

В три часа по корабельному времени он встал, оделся, вышел на балкон и долго смотрел на кольца.

Ему было сорок один год. Он был действующим чемпионом Галактики, победителем двух предыдущих Гран-При, владельцем девятнадцати рекордов, из которых четыре не были побиты до сих пор. Он был богат, красив, здоров, тренирован, любим прессой, толпой, историей и своим лицом, которое было на всех обложках, где стояло слово «гонки». У него было всё, что может иметь человек, стоящий наверху.

И была одна вещь, которой он не имел никогда, — и в эту ночь он смотрел на кольца и думал о ней: у него не было соперника.

Не было той структуры противника, без которой не существует ни одна религия: без дьявола. Девять лет он летал по Гран-При и не встречал ни одного пилота, который мог бы быть ему равным не по рейтингу, а по сути: все они были лучше или хуже, но никто не был им — не по цифрам, а по существу. Это не делало его счастливым. Это делало его одиноким — не в смысле сиротства, а в смысле вершинной боли: он стоял на вершине, и вершина была безлюдной, и он смотрел с неё вниз на всех, кто летел ниже, и не видел никого, кто мог бы подняться.

А потом он увидел.

Он увидел Драйна Вейла впервые на отборочном заезде Талверра — не вживую, а на записи, которую ему прислал его штурман: «Посмотри на мусорника. Он идёт по кривой». Холл смотрел запись один раз. Потом второй. Потом поставил на повтор, убрал звук, увеличил масштаб — и смотрел кривую: то, как корабль из бедного, драного, собранного из мусора корпуса шёл по кривой, которую не держал ни один корабль эпохи, — и как на выходе эта кривая выпрямлялась.

Он смотрел семь минут. Потом закрыл запись.

— Он не тот, за кого себя выдаёт, — сказал он штурману тихо, глядя в окно. — Но он не тот и за меня.

Штурман не понял. Холл не объяснил. Он не умел объяснять — он умел видеть.

И всю ночь он смотрел на кольца и думал не о том, что он чемпион и что он должен победить. Он думал о другом — о том, о чём не думал ни один чемпион эпохи: он думал о том, что честным путём не победит.

Это не было страхом. Холл не знал страха с тридцати лет. Это была арифметика: он умел считать, и счёт говорил правду, от которой нельзя было спрятаться. «Феникс-7» был лучше «Осы» на кармане — на кармане, не на прямой. На прямой «Оса» была быстрее. Девятнадцать карманов против одной прямой — это была победа Холла. Но девятнадцать карманов, пройденных с ошибкой, против одной прямой, пройденной с чистотой, — это была уже не арифметика: это была судьба, и судьба, как он знал по девяти Гран-При, не любит фаворитов.

Он был фаворитом. Он всегда был фаворитом. И впервые за девять лет фаворит понимал, что не победит.

Он не сказал об этом никому — ни тренеру, ни штурману, ни прессе, ни жене, с которой не говорил по существу уже шесть лет. Он сказал это кольцам — старым садам, которые висели в небе Арги, как оранжереи богов, — и сказал тихо, не двигая губами, как говорят не слова, а правду:

— Мне нужен другой способ.

Кольца молчали. Кольца всегда молчали — они были старше, чем все, кто о них думал, и умели хранить тайны, потому что не умели их говорить.

А Холл стоял на балконе сорокового этажа и впервые за девять лет чемпионства придумывал то, чего не делал никогда: способ, которым он победит не скорость, не мастерство, не дух, не кривую, — а всё сразу, одной операцией, одной ставкой, одним ходом, который будет ходом не в игре, а в жизни.

Он не знал ещё, что этот ход будет называться не «победа».

Он будет называться «Дорн».

Глава 2

Он видел его

Холл видел Драйна вживую только один раз — за два дня до финала, на презентации участников, где десять пилотов стояли на сцене в ряд, в парадных комбинезонах, и пресса фотографировала их, как фотографируют теннисистов: слева направо, по рейтингу.

Холл стоял первым — он всегда стоял первым, это было его право и его место, — и слева от него, на седьмом месте, стоял человек, который не был похож ни на одного пилота, которого Холл видел в жизни.

Это не было бедностью — хотя он был беден. Это не было дешевизной — хотя его комбинезон был куплен спонсором неделю назад и сидел, как чужой. Это было другое: у этого пилота была поза, которой не было ни у кого на сцене. Он не стоял, как стоят чемпионы — на расслабленных ногах, с плечами назад, с лицом для камер. Он стоял, как стоят люди, которые знают, что они на месте чужом, временном, непонятном, — и не оттого, что им стыдно, а оттого, что им всё равно. Его плечи были опущены не от усталости — от привычки к той позе, в которой человек стоит всю жизнь: в очереди, на смене, в очереди за сменой. У него были руки, которые не знали, куда себя деть, потому что они привыкли держать инструмент, а инструмента не было.

Он смотрел в толпу не тем взглядом, которым смотрят чемпионы: он смотрел так, как смотрят те, кто живёт в местах, где на них никогда не смотрели, — то есть не смотрел вообще, потому что не умел. Холл знал этот взгляд. Он видел его один раз в жизни — в зеркале, в детстве, до того, как его взяли в клуб, до того, как всё началось, до того, как он стал «Холлом». Это был взгляд человека, который ещё не понимает, что он может быть кем-то.

Холл никогда не забывал этот взгляд. И теперь он смотрел на человека с этим взглядом и понимал одно: этот человек — тот, кто может подняться. Не по рейтингу. По сути.

После презентации Холл сделал то, чего не делал ни разу за девять лет: он пошёл в ремзону «Тан-Вейл». Без свиты, без камер, без пресс-агентов, — один, в простом пальто, как идут не чемпионы, а люди. В ремзоне он нашёл её: девочку с лицом в смазке, которая сидела под днищем серого корабля и держала в руках тонкий инструмент, и не заметила его, потому что была в работе.

Он смотрел на неё четыре минуты. Потом сказал:

— Вы Ника Вейл.

Она вылезла из-под днища, увидела его — и не ахнула, не вскрикнула, не сделала ничего из того, что делают люди, когда видят чемпиона Галактики. Она посмотрела на него с тем же взглядом, что и её брат, — с тем, который не смотрит, — и сказала:

— Я на работе.

— Я знаю. Я хочу поговорить о корабле.

— Корабль закрыт. Осмотр — завтра, по регламенту.

— Я не про осмотр. Я про кривую.

Ника посмотрела на него внимательнее — впервые в жизни, — и Холл увидел, как в её глазах меняется то, что меняется в глазах инженера, когда приходит инженер: не удивление, не почитание, а распознавание. Он был не звездой: он был собеседником.

— Вы шфтурман «Феникса-7», — сказала она. — Ваши кривые идут в открытых базах. Я их смотрела.

— И что вы о них думаете?

— Что они лучше всех, — сказала Ника без выражения. — И что они боятся кромки.

— Что значит «боятся»?

— То и значит. Ваши кривые сделаны так, чтобы не рисковать на пределе. Это красиво. Это правильно. Это выигрывает заезды. — Она вытерла руки о комбинезон. — Но это не выигрывает Гран-При. Гран-При выигрывает тот, кто идёт на кромке и не падает. Вы не идёте на кромке. Вы идёте рядом с ней — на расстоянии, которое вы посчитали как безопасное. Вы никогда не ошибётесь. И потому никогда не прыгнете.

Холл молчал. Потом спросил — тихо, без протокола, как спрашивают не у пилота, а у зеркала:

— А вы?

— Мы — другая школа, — сказала Ника. — Мы из нищеты. У нас нет безопасного расстояния. У нас есть только кромка. — Она посмотрела на корабль, на «Осу», серую, драную, с ее неровными швами, которую Холл в жизни не видел так близко. — Мой брат ходит на кромке, потому что у него нет другого места. Это не доблесть. Это бедность. Но на Гран-При бедность иногда выигрывает.

Холл ушёл из ремзоны молча — без прощания, без визитки, без какого-либо знака, что разговор был. Он шёл по коридору сорокового этажа, по тёмным, дорогим, безмолвным этажам «Феникс-Конкорд», — и в этой тишине он впервые за девять лет понимал, что он проиграл не гонку: он проиграл разговор с механиком, у которой не было ни бренда, ни рейтинга, ни возраста, ни имени, кроме одной фамилии, которую он узнал два года назад на записи из Талверра.

Он проиграл не ей. Он проиграл тому, чего не имел никогда: школе, которая выросла не из инфраструктуры, а из нищеты, и которая научилась на кромке тому, чего не учат в клубах, — идти туда, где нет места, и не падать.

В эту ночь он не спал. В эту ночь он позвонил человеку, чьего имени не было ни в одном списке, ни в одной базе, ни в одной книге, — человеку, у которого не было ни профессии, ни адреса, ни прошлого, — и сказал в трубку четыре слова:

— Мне нужна твоя помощь.

Глава 3

План

Человека, которому Холл позвонил, звали Дорн.

У Дорна не было ни имени, ни фамилии, ни биографии, ни прошлого, ни адреса, — и это не было поэтической легендой: это была профессия. В мире, где всё было прослежено, задокументировано, занесено в базы, находились люди, которых в базах не было, — и не потому, что они были гениальными конспираторами, а потому, что они были профессионалами: их работа состояла в том, чтобы их не было. Они не имели имени не из скромности — из техники. Имя оставляет след; след оставляет улику; улика оставляет срок.

Дорн работал в этом поле двадцать лет. Он делал не убийства — он делал то, что в его профессии называлось «инженерией обстоятельств»: не подделывал документы, не устранял людей, не организовывал катастрофы. Он создавал обстоятельства, при которых катастрофа происходила сама. Мигание датчика. Ошибка сертификации. Просрочка ремонта. Человеческая невнимательность. Все его работы были юридически неуловимы, потому что в каждой из них виноватых не было: была судьба, был случай, был несчастный исход — и никто не мог назвать их преступлением, потому что преступление требует намерения, а намерения не было; было только обстоятельство.

Холл знал о Дорне то, что знал любой человек его круга, — то есть знал, что такой человек есть, не знал, кто он, и никогда не думал, что обратится к нему. В эту ночь он думал не о морали. Он думал об арифметике.

План Холла был прост — и в этом была его красота и его гнусность.

Он не собирался убивать Драйна Вейла. Он собирался победить в гонке. Но чтобы победить, надо было убрать с дистанции корабль, который на прямой был быстрее. Корабль был «Оса». И «Оса» могла быть убрана не с дистанции — до дистанции.

Речь шла не о взрывчатке — не о той грубой, очевидной, детективной взрывчатке, которую ищут в трюмах и под сиденьями. Речь шла о работе, которую Дорн делал лучше всех в Галактике: об инженерии обстоятельств. На борту «Осы» было то, что было на борту любого гоночного корабля эпохи: аварийный заряд ускорения — капсула, которая при отказе основного двигателя даёт кораблю выброс, чтобы пилот мог выйти из пикирования. Капсула была сертифицирована, опечатана, внесена в лист приёмки — и это было её достоинство и её смерть: её нельзя было изъять, не оставив следа.

Но её можно было перепрограммировать.

Не изменить — перепрограммировать: сдвинуть на миллисекунды порог срабатывания. Так, чтобы приёмка показывала норму, чтобы сертификация сходилась, чтобы тест прошёл, — и чтобы в момент, когда корабль входил в зону максимальной нагрузки, порог, который должен был бы не пустить заряд, его пускал. Не взрыв — высвобождение. Заряд ускорения, сработавший внутри корпуса, — это не бомба: это штатный узел, сработавший в непредусмотренный момент. Авария. Трагедия. Несчастный случай, который не имел ни виноватых, ни улик, ни имени.

Холл не знал деталей. Он не хотел знать деталей — это была его единственная страховка: он хотел не понимать, потому что непонимание было единственной защитой от совести. Он сказал Дорну одно:

— Корабль «Оса» не должен выйти на финишную прямую. Я не спрашиваю, как.

— Вы не спрашиваете, как, — повторил Дорн. Это не был вопрос: это была формулировка контракта. — Хорошо. Я не спрашиваю, зачем. Это делает нас честными.

— Мы не честные.

— Мы честные в одном, — сказал Дорн без выражения. — Мы оба знаем, что делаем.

Он отключился. Холл стоял у окна сорокового этажа, смотрел на кольца, за которыми висели сады богов, и чувствовал то, чего не чувствовал никогда: не страх — холод. Холод человека, который сделал шаг, с которого нет возврата, и который ещё не знает, что этот шаг ведёт не к победе, а к краю.

Он не знал, что Дорн, выслушав заказ, составил план, в котором было всё, чего не просил Холл: не капсула ускорения, а точечный заряд на топливной магистрали — грубее, дешевле, надёжнее, без всякой перепрограммирования, — потому что перепрограммирование оставляло цифровой след, а заряд не оставлял ничего. Он не знал, что Дорн, планируя, решил не «не убивать»: он решил выполнить заказ — и в его понимании «не выйти на финишную прямую» значило одно: не выйти вообще.

Холл хотел победы. Дорн хотел гонорара.

Один из них не знал, чего хотел другой, — и это незнание стоило жизни.

Глава 4

Дорн

Дорн прибыл на Аргу за девятнадцать дней до финала — как прибывали все: коммерческим перелётом, с документами туриста, в толпе, среди репортёров, болельщиков, дельцов, спекулянтов и любителей, съехавшихся на событие десятилетия. Он был невысок, неприметелен, без примет; он носил лицо, которое никто не запоминал, — не потому, что оно было плохое, а потому, что он его менял: трижды за жизнь, по документам, легально, через клиники в четырёх системах, где пластическая хирургия была не искусством, а бюрократией.

Он не вышел из перелёта сразу — он вышел в четвёртой группе, среди простых пассажиров, и на паспортном контроле офицер, который смотрел его документы, даже не поднял глаз. Это была не удача: это была работа. Дорн приезжал на объект за девятнадцать дней, потому что девятнадцать дней — это срок, за который объект перестаёт быть чужим: ты знаешь его смены, его сменщиков, его маршруты, его камеры, его слепые зоны, его привычки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.